

Сестрички

В некотором
царстве

Святослав Гаврилов

Пролог

В некотором царстве, а точнее в некотором Московском государстве, как-то раз давным-давно, да так давно, что вспомнить никому уж не дано. Наше сказание начинается в глухой чаще, где было сыро и затхло, всюду квакали лягушки, ползали змейки, плескалась вода в болотце. Казалось бы, до сей поры здесь не ступало ни одной ноги человека.

Семеро путников, пытаясь не угодить в трясины, ровным шагом — след в след, ступали друг за дружкой. Со стороны было видно, что это люди сельские, одеты они были в грязные рубахи, рваные холщовые штаны и потрёпанные валенки. Трое бородатых мужиков, две некрасивые девки, да совсем ещё маленькие ребятишки: мальчик Лёня и девочка Лена пробирались сквозь бурелом на север. Они бежали от своих хозяев в Литовском княжестве, дабы поискать лучшей жизни на вольных хлебах. Внезапно один из мужиков ступил в глубокую лужу, он почувствовал, как его пята потянуло в землю, и осёкся. Он тут же одёрнул ногу, да не рассчитал сил, повалился на другую сторону и вмиг исчез. Вот он был и вот его уже нет. Все остальные моментально переполошились, заозирались и поспешили к тому месту, где только что пропал их спутник. Так с лица земли русской было стёрто семеро глупых холопов, а в том месте, где они только что исчезли, появилась длинная тёмная фигура, превратилась в немощную беззубую старушку и продолжила путь вместо них.

Обширны и прекрасны просторы матушки Руси. Луга, поля и леса раскинулись от огромных казачьих степей до заснеженных уральских гор. Маленькая речушка бежала сквозь эти места. Пронзительным звоном плескались её воды о каменистые породы, расположившиеся по краям. В её волнах можно было заметить маленькую тростинку, которая лихо неслась по течению навстречу тому, что для неё уготовил неотвратимый злой рок.

А если присмотреться внимательнее к этой тростинке, то можно было понять, что она не плывёт по течению. Какой-то неведомой силой она карабкалась по ползущим ступенькам волн вверх по воде вопреки всем законам мироздания. Впрочем, несмотря на этот невероятный факт, мощное всепоглощающее течение всё же брало верх над этой причудой и гасило зачатки проявляющейся непокорности. Поэтому ей ничего не оставалось, кроме как проноситься сквозь вереницы деревьев, мимо рыбаков, лениво зевающих в идущих по воде лодках, под гниющими мостиками, раскинутыми над водой, она проплывала затхлые сёла, бедные города и исчезала в нерушимой тщетности русского бытия.

Маленькая старушенция, появившаяся со стороны леса, преодолела городские ворота и медленно приближалась к дворцовым. Стражники у входа во двор, завидев ее, непонимающе уставились, а когда она подошла ближе, окликнули:

— Ты куда это, старая?

Старуха ничего не ответила, а прошла мимо. Стражники, как были там, где стояли, так там и остались, даже не вспомнив, кого они только что видели. Она направлялась к дворцовой площадке, где неспешно, лениво прогуливались мамки, няньки, присматривая за юным мальчишкой, который то и дело норовил убежать от их всевидящего взора. Он был словно не своим в этой гнетущей обстановке. Он чувствовал, как над ним сгущаются тучи людского зла и по своей юности даже представить не мог, как ему со всем этим справляться.

Старуху, шедшую к этому мальчику, казалось бы, больше никто не замечал. Она подошла к нему вплотную и коснулась своей холодной рукой его плеча. Он так и обмер. Сморщенная, костлявая рука стала темнеть и превращаться в туманную дымку. Она прошла сквозь плечо и за что-то больно ухватилась внутри его тела. И только сейчас мальчик додумался закричать, но было уже поздно.

Карусель событий закрутилась, годы стали долго и тягуче проноситься сквозь время, некоторое царство, а вернее некоторое Московское государство стало наполняться кровью, смутой и отчаянием, куда быстрее, чем оно было запланировано с момента сотворения мира. Но это была не сказка, которая могла бы быть впереди, и даже не присказка, ведь наша история про людей, а потому в ней нет места торжеству добра над злом.

Глава 1. Сказ о волшебном кусочке хлеба.

В ушах звенел шум пронесившегося ветра. Лёгкие горели жарким пламенем, дыхание неравномерно учащалось, а в голове было лишь чувство отчаянной безысходности. За парнем лет четырнадцать гнались три здоровенных бугая с дикими воплями:

— Стой, паршивец, я ж тебя сейчас прибью!

Его звали Кеша, и он пытался стянуть с прилавка у одного купца небольшой кусочек хлеба, за что его гнали до самой лесной чащи. И даже когда он сбежал с тропы, трое купеческих сынков не желали прекращать погоню. Видимо, настолько для них была важна эта махонькая булочка. Но когда, всё-таки его ноги от усталости запутались в ветках колючего кустарника, через который он надеялся прошмыгнуть, что и повалило своего обладателя наземь, он понял, что так усердно гнались за ним не из-за неумолимого чувства справедливости и даже не из желания сатисфакции. Пределов человеческая жестокость не знала, и когда ей давали волю, человек отчаянно старался её выплеснуть. То же самое было и с этими тремя. У них давно уже чесались руки кого-нибудь безнаказанно прибить, особенно теперь, когда они, наконец, поймали того самого воришку, что весь этот месяц ловко подчищал прилавок их бати и из-за которого от этого самого бати им приходилось несладко. Тот, что нагнал его первым, схватил за волосы, заставляя тем самым

подняться на ноги, чтобы затем больно пнуть в живот и бросить прямо в колючий куст.

— Мелкая крыса! Ты сейчас пожалеешь о том, что вообще вылез на свет! — кричал он.

Двое его братьев тоже подросли и уставились на мальчишку, корчащегося от боли в колючем кустарнике. Маленькие иголки, торчащие из веток шиповника, больно обдирали кожу, когда он пытался пошевелиться, чтобы предпринять попытку подняться и побежать дальше.

— Ну и чё делать будем с ним? — спросил кто-то из братьев.

— Может, к отцу потащим? — предложил второй.

— Да на кой он ему сдался? — сказал тот, что догнал его первым. — Ща, я его тут прикончу.

— погоди, — попытался его вразумить тот, что выглядел помладше и поумнее, — может, просто проучим его? Зачем убивать-то сразу?

— Да ведь такие гниды, как он, несмышленный ты мой братец, не имеют права топтать эту землю! — пояснил первый и посмотрел на уползающего от них Кешу. — Эй! Куда направился?!

Двумя широкими шагами он переступил ветки, которые так подвели мальчишку, и наступил ему на затылок, со всей силы стараясь втоптать его лицо в землю.

— Лежать, тварь, я сказал! — закричал он и второй ногой стал ломать ему рёбра.

— Ну, постой же ты, — проговорил тот, что помладше, — может, он беглый, а если вернём его владельцу, сможем выручить с него чего-нибудь. А нет — сами работать заставим.

Колотивший его купеческий сын успокоился, немного подумал, проговорил:

— А ведь, Емель, дело говоришь, — схватил парня за ворот и поднял на колени, чтобы спросить: — отвечай, откуда сбежал?

Кеша на своём испачканном лице сделал гневную физиономию и ничего не ответил. Наверное, зря, потому что из-за этого разгорячённый неприятель ударил ему по этому лицу своим кулаком, и мальчик снова упал.

— Я тебя сейчас здесь закопаю! — прокричал он на него, а Кеша, опасаясь, что его сейчас снова потащат за шиворот, с трудом начал сам подниматься на ноги.

Все трое уставились на него, словно чего-то ожидая. Он, было, хотел снова броситься бежать, но один из них, видимо второй купеческий детина, схватил парня за локоть и с силой начал заламывать руку за спину, тем самым заставив его снова упасть на колени. Колючие шипы стали пронзать его ноги, а удерживающий его купеческий сын больно выворачивал руку. Бедному Кеше ничего не оставалось, кроме как всё же начать им отвечать.

— Отпустите, а? — жалобно попросил он.

— Отпустить тебя? А нам-то какая с этого польза?

Кеша немного подумал: и правда, ничего взамен своей жизни он предложить не мог.

— Не знаю, — произнёс он, — у меня ничего нет.

— Вот и отвечай, откуда сбежал, чтоб мы могли тебя вернуть твоему барину.

— Я не сбегал...

— Не ври! — срывающимся криком перебил его старший купеческий сын. — Отвечай, кому принадлежишь? Как зовут хозяина?

— Нет у меня никаких хозяев! — раздраженно ответил Кеша.

— Врёшь, челядь паршивая! В жизни не поверю, чтоб такая нищая крыса просто так гуляла на свободе.

— А знаешь что? — обиженно произнёс Кеша. — Лучше быть нищей крысой, чем таким тупым уродом, как ты!

— Завали свою поганую харю, выкидыш холопский! — с этими словами ему с силой ударили сапогом по лицу, затем ещё раз по груди, по животу и снова по лицу.

Второй купеческий сын — тот, который всё это время заламывал его руку, — оттолкнул его наземь и тоже присоединился к избиению. Глаза сами по себе захлопнулись, дабы в суматохе побоев не быть выбитыми, а горло почувствовало, как кто-то на него наступил и с силой надавил. Дыхание тут же прекратилось, он ощутил дикую боль и приготовился услышать хруст шейных позвонков, но вместо этого

услышал звериный рёв, а затем понял, что горло ему больше никто не сдавливает. Он заставил свои веки разомкнуться и увидел перед собой здорового бурого медведя.

Угрожающе нависая над мальчиком, большущий зверь отбрасывал ошмётки одного из двух уже разодранных им купеческих сыновей в сторону и, судя по всему, намеревался проделать то же и с последним — тем, которого называли Емелей.

От надвигающегося первобытного страха Кеша замер, не в силах пошевелиться. Ведь после того, как медведь покончит с купцовским сыном, он же кинется и на него. С ужасом он смотрел на то, как медведь поднимает свою лапу, с жалостью он наблюдал за искажившимся в неимоверном испуге лицом парня по имени Емеля, и в последний момент, когда лапа зверя вот-вот вонзилась бы в брюхо его жертвы, какой-то неведомый порыв заставил его внезапно воскликнуть:

— Стой!

Медведь остановился. Он обернулся на источник шума и устремил к мальчику необыкновенно умный взор. В этом взгляде Кеша смог прочесть немой вопрос: «В чём дело?».

— Он же ничего плохого не хотел. Наоборот, он единственный, кто пытался их угомонить.

Медведь, услышав эти слова, словно бы осмыслив их, посмотрел на свою недобитую жертву, а затем подошел к полуживому, валявшемуся на земле пареньку.

— Эй, тебя ведь не Михаил Потапыч зовут? — спросил у него Кеша, а медведь мотнул головой. — Ну да, было бы довольно банально, — на этих словах он потерял сознание.

В нос вдарил резкий запах хмеля. Просыпаться было решительно неохота. Всё тело ломало, лицо и зубы ныли от боли, а заплывшие глаза обжигал свет, как только он предпринимал попытки разлепить веки.

Над ним были две фигуры, с одной из которых он уже был знаком. Это был спасший его медведь. А вторая была девочкой, примерно его возраста. Она озабоченно смотрела в лицо паренька и, казалось, искренне сострадала его израненному телу. Когда она увидела, что Кеша стал приходить в себя, — заулыбалась.

— Вот видишь, я же говорила, что хмельная настойка, это лучший способ обработать раны и привести человека в сознание, — поучающе говорила она медведю.

Зверь ничего не отвечал, лишь как-то обречённо вздохнул и тоже уставился на приходящего в себя мальчишку. Тот, в свою очередь, непонимающе посмотрел на девочку со зверем. Только сейчас он понял, что находится в деревянной комнатке и лежит на куче тряпья, заботливо постеленной для него.

— Э-э... — протянул Кеша.

— Ах, ну точно, мы ж не знакомы! — спохватилась девочка. — Я Маша, это Ваня, — она мотнула головой в сторону медведя, — а тебя как звать?

Пытающийся сообразить, что к чему, Кеша попробовал почесать затылок, но как только попытался это сделать, всё тело свело жуткой болью. Всё-таки хорошенько его приложили купеческие детки.

— Я Кеша, — произнёс мальчик и с надеждой полюбопытствовал: — медведь же просто дрессированный, да? Или это я свихнулся?

— Не знаю, — беззаботно ответила девчонка. — Вань, ты дрессированный?

Медведь отрицательно покачал головой, что для Кеши означало не самое утешительное.

— Ну как видишь, Ваньку никто не дрессировал.

Значило это то, что, похоже, Иннокентий Григорьевич всё-таки свихнулся. Мальчишка окончательно потерял нить разговора. Глядя на своих спасителей, он думал, что просто спит и всё это — просто странная и причудливая ночная фантазия. Но нет же. Боль в его теле чувствовалась достаточно реально, а его чуткий сон, который обычно проходил по малейшему пожеланию Кеши, никак не хотел прекращаться.

— Маша, — задумчиво произнёс Кеша, — можно я буду называть тебя Манютка, как сестру мою?

— Как хочешь, — беззаботно кивнула девчонка.

— Расскажешь, что произошло?

— Тьфу ты, ну точно, дурья моя башка! — всполошилась Манютка. — Ты ж ничего так и не успел понять, пока тебя эти верзилы дубасили. Ну, в

общем, мы с Ваньком как обычно бродили по лесу, искали ягоды. Я их набираю, чтоб наварить на зиму, ну и чтобы прям щас тоже что было поесть. Ходим, мы ходим, да и слышим гневные крики, подходим ближе и видим, что кого-то колотят. Ну, я и попросила Ваню заступиться за тебя. А когда ты отключился, тот третий, ну которого ты попросил не трогать, взял да убежал, только его и видели. Ну, Ваня подхватил тебя на спину, так и принесли тебя сюда. Ну а дальше, как ты можешь понять: я твои раны обработала, перевязала и привела в чувства.

— Ого, какая забота, — заметил Кеша, которому до этого никто никогда не помогал.

Услышав сарказм в его голосе, девочка обиженно фыркнула, скрестила руки и произнесла:

— Наверное, нужно было позволить тем бугаям довершить начатое, да?

— Нет-нет, ну что ты. Я благодарен вам с... — он посмотрел на добродушно наблюдающего за сей сценой медведя, казалось, тот находил забавной эту небольшую перепалку, —... с Иваном, за спасение. Просто, допустим, я бы прошёл мимо.

— Конечно, чего ещё можно ожидать от уличного воришки? — продолжала дуться девочка.

На это обидное замечание Кеша ничего не возразил.

— Ладно, поправляйся пока, — смягчилась она и пошла к выходу. — Идём, Вань, мы так и не выполнили сегодняшнюю норму. Нам о-го-го,

сколько ягод ещё нужно насобирать.

Медведь строго посмотрел на мальчика, как бы говоря ему: не совершать опрометчивых поступков, и направился следом за девочкой. «В самом деле?» — подумалось Кеше. Они хотели уйти и оставить его одного? Даже зная, за что его пытались прибить те трое?

Немного поразившись девчачьей наивности и медвежьей недалёковидности, он таки пришёл к выводу, что это было далеко не тем, чему нужно было удивляться. Всё же мальчишка был ещё юн, жил он не в самой образованной стране, да растили его не самые умные люди, и, хотя ранее о подобных разумных медведях он никогда и слыхом не слыхивал, принял все невероятные события, приключившиеся с ним, довольно легко.

Дождавшись, когда Манютка с медведем Ванькой уйдут достаточно далеко, он, преодолевая дикую боль и жжение по всему телу, сполз с настеленного для него тряпья, с трудом встал на четвереньки и пополз к выходу. Приподняв большую, тяжёлую штору, закрывавшую вход в землянку, он выполз наружу и, тяжело отдышавшись, стал подниматься на ноги.

Думая о том, как бы побыстрее улизнуть куда подальше, Кеша даже не вспомнил про его старенькие отцовские лапти, которые с него, скорее всего, сняла Манютка, когда перебинтовывала раны на его ногах. Возвращаться за ними не стал, побрел так, каким был — босым.

Солнце радостно припекало макушку, ветер обдавал приятной прохладой, а трава мягко щекотала пятки. Иногда, конечно, попадались маленькие незаметные веточки и больно впивались ему в ноги, но в целом Кеша не ощущал сильного дискомфорта. Куда больше его беспокоили переломанные ребра, а также мрачные мысли о том, где бы переночевать в этот раз. Оно и понятно: если не распогодится, то можно будет лечь и под открытым небом. Но ночь всё равно будет холодной, это он знал не понаслышке. А если пойдёт дождь? Может, всё же зря он убежал от странных, но добрых встречных? Может, стоило воспользоваться их добротой? Что ни говори, Кеша всё же был не из таких. Он и так у этой девчонки был в долгу за своё спасение, навязываться к ним было бы совсем стыдно.

Мальчишка рассчитывал к вечеру выйти из леса, а в деревне он бы забрался в помещичьи конюшни и там бы до утра его никто не потревожил. Вот только он не знал, в какую сторону деревня. Он бы не смог вспомнить обратной дороги оттуда, куда его пригнали купеческие сыновья, а что уж говорить о том месте, в которое его перенесли девочка с медведем.

Печаль накатила на парня. Тело болеть не переставало, а только больше распалось усталостью. Идти было больно, грустно и так одиноко. Так он и шел, повесив голову. Живот крутило голодом, но Кеша понимал, что стянутую у

купца злосчастную помятую булочку, что лежала у него в кармане, нужно припасти до поры до времени. Ведь сейчас он может её и съест, а тогда, когда действительно начнётся истощение и он станет помирать, делать будет нечего. Тоска накатывала волной. Чувства одиночества и чуждости так и наполняли грудь. Тем не менее, грустил он не зря. Смотри он вперёд, как гордый молодец какой, а не как распоследний холоп себе под ноги, склонив голову на бrenную землю, то не наткнулся бы на воронёнка, жалобно щебечущего на земле, силящегося взлететь. Парень поднял глаза и увидел в ветвях старинного дуба над собою гнездо, откуда, судя по всему, и выпал этот малец.

На миг его посетила мысль, что неплохо бы развести костёр да полакомиться птичьим мясом. Но над головой щебетали ещё птенцы — братишки да сестрёнки, и их мать важно каркущая что-то на своём, на вороньем. И ему так жалко стало этого птенчика, что он наклонился, взял его в свои руки да посадил на ближайшую веточку, куда смог дотянуться. Воронёнок ещё что-то прощебетал, а Кеша улыбнулся ему, залез к себе в карман, отщипнул там кусочек от булочки и крошил перед своим новым пернатым знакомым. Парень ещё раз взглянул на птичье гнездо, до которого не смог бы дотянуться, и понадеялся, что мама-птица хотя бы так заметит своего сыночка. Задерживаться он тут не стал: понимал, что только отпугнёт ворону от её воронёнка — пошёл дальше.

По лесной чаще, шумевшей соловьиной трелью, жужжанием кузнечиков и треском веток, Кеша брёл долго, далеко не коротко. Солнце уже садилось, небо начинало темнеть, потихоньку становилось холоднее. Парень глубоко вздохнул, видя, что идёт мимо поваленного дерева, которое проходил часа два назад, и стал понимать, что ходит кругами. Обходя завалы, овраги, густые кусты и скопления ёлок, он всё время возвращался на одну и ту же протоптанную им же самим тропу. Казалось, сам лес не хотел выпускать его. На самом же деле такое сплошь и рядом случалось со всеми неопытными путешественниками. Самонадеянно думая, что он идёт ровно вперёд, парень невольно сворачивал немного в сторону, и получалось так, что он возвращался к тому же месту, с которого начинал.

Смеркалось. Жужжание кузнечиков сменялось кваканьем лягушек; в этом кваканье начинало скрежетать стрекотание сверчков, а убаюкивающее пение птиц стало затихать. Только ветер свистел над кронами деревьев. Скоро сказка сказывается, да куда быстрее дело делается — стемнело быстро. На небосводе стали зажигаться звёзды, а ясная луна, благо, всё же освещала путь. Душа начинала болеть: такое отчаяние и страх подкатили. В каждом кусте начинали мерещиться щупальца, каждая коряга превращалась в его воображении в страшную кикимору, каждый лишний шелест листвы стал пугать. Он страшился пробежавших вдали зайцев, и, не дай боже, какой-нибудь ёж начнёт красться рядом

— сердце тут же уйдёт в пятки. Но больше боялся он не столько своего воображения, сколько реальной опасности. Откуда-то далеко-далеко до него доносился ужасающий вой — волки.

Ноги уж сами валились. Боль по всему телу так и не унялась, хоть после столь длительных нагрузок и стала терпимее. Кеша заметил тот самый дуб с гнездом, что уже проходил, и решил подойти посмотреть, подобрала ли птица своего птенца, а заодно там же и прилечь отдохнуть. Подойдя к дереву, он только что не ахнул — сдержался. Растерянно осмотрел оставленное им место: гнездо валялось на земле, птенцов ни одного нигде не было, а откуда-то спереди доносился треск костра и запах жареного птичьего мяса.

Мальчик осторожно обогнул старое дерево и, стараясь не издавать шума, прошёл вперёд, к кустарнику, из-за которого оранжевым пламенем светился костёр. Он приблизился к трём стоящим в ряд сосёнкам подле лощины, из которой горело пламя, и стал выглядывать за них. У костра сидел недавний его знакомый, младший купеческий сын Емеля; он ел воронят, по всей видимости, добытых из ранее отмеченного Кешей гнезда, и нервно крутил в руке небольшой ножик. Кеша переступил с ноги на ногу и нечаянно задел ветку, лежащую под ногами. Та предательски хрустнула и тут же выдала его местоположение. Парень у костра всполошился, приподнялся, посмотрел в его сторону и произнёс:

— Эй, кто это там? Выходи!

Кеша не рискнул выйти, а лишь попятился назад, не желая вступать в ещё одну конфронтацию. Он хотел было уже кинуться прочь, однако его собственное больное тело, в особенности босые ноги, стёртые в кровь, снова подвели его. Колени подкосились, а в этот момент, освещая себе путь наспех сделанным факелом, на него вышел купеческий сын. Увидев мальчишку, он испуганно вытаращился на него. Эффект, который произвёл Кеша, продолжался недолго. И впрямь, люди — существа непредсказуемые. На страх они всегда реагируют по-разному. Кто-то бросит всё и побежит, не раздумывая, а кто-то, такие, как тот, что стоял перед Кешей, с жуткой тяжестью пересилит себя, гневно искривит свою физиономию, пряча за нею ощущаемый в данный момент ужас пережитого потрясения, и закричит неистовым воплем.

— Ведьмино отродье! Ты почто моих братьев погубил?!

— Но я не... — попытался было оправдаться Кеша, но только заставил кричать его ещё громче.

— Да я... Я за Лёшку, за Антошку... Я тебя прибью! — он выставил перед собой ножик и угрожающе направился в сторону Кеши.

Парнишка попытался побежать, но его тут же нагнали и чуть не ударили ножом. В тусклом освещении купеческий сын промахнулся, а Кеша немедля постарался выхватить оружие. Не получилось. Его руку полоснули холодным лезвием, а

по голове ударили черенком факела. Стараясь, чтобы на него не перекинулось пламя, Кеша отпрыгнул назад и больно ударился, упав на спину. Он спешно начал отползать прочь, а Емеля злобно захохотал:

— Ну что, нечисть поганая!? Вот и пришёл час твоей расплаты!

— Да ты совсем с дубу рухнул! — только и успел вымолвить Кеша, когда купеческий сын напрыгнул на него, дабы воткнуть нож ему в голову.

Превозмогая боль и слабость, мальчик всё же успел перехватить руку со смертельным орудием и обеими своими ладонями постарался не допустить её к своему лицу. Купеческий сын выбросил факел в сторону и стал второй рукой душить мальчика. Там, куда был отброшен факел, начало разрастаться пламя. Нависающий над Кешей человек злобно скалился, жутко кряхтел и сильно давил обеими своими руками. В свете начинающегося пожара он казался бесом, вылезшим из преисподней.

От удушья руки стали слабеть, в глазах начало плыть, тело предательски перестало слушаться. В последний момент Кеша так сильно испугался того ада, который ожидал его на том конце, что предпринял отчаянную попытку выжить: откинул одну из своих рук в сторону, нащупал-таки какой-то небольшой, но всё же увесистый камень и что осталось силы, ударил им в висок неприятелю. Тот от неожиданности ослабил хват, а мальчик в порыве страха тут же воспользовался подвернувшимся шансом и снова ударил обидчика, а когда заметил,

что он всё ещё шевелится, скинув его с себя, ударил ещё раз, затем ещё и ещё, не в силах остановиться до тех пор, пока не понял, что вбивал в землю кровавую кашу.

Пламя разгоралось сильнее. Его языки подхватывали сухие ветки, траву, брёвна, деревья. Изуродованное тело купеческого сына играло оранжевыми красками в свете огоньков разрастающегося пожара. Натворивший всё это мальчишка сидел на коленях подле. Он был скован мучительным бессилием и не мог заставить себя даже пошевелиться. Да, ему было больно и страшно, но сейчас он даже и не думал об этом. Не думал он и о том, что ему только что захотелось сделать. Все его мысли занимало то самое бессилие — невозможность повлиять хоть как-то на эту чёртову судьбу. Он достал из кармана булочку, этот ненавистный кусок хлеба, из-за которого всё и произошло. Недолго смотрел на него сквозь застлавшую глаза пелену, а затем выкинул его куда подальше.

В тот момент мальчик по имени Кеша не хотел плакать, но почему-то слёзы лились сами собой. Пожар подступал всё ближе, а он лишь вытирал глаза, опускал руки и, тихо всхлипывая, ожидал пламени.

Глава 2. Сказ про Манютку и ягодки.

Жили, были, взяли сдохли — это про Манюткиного папаню с братом, когда тех забрал князь Василий Голицын под Крым, так как те проходили стрелецкую службу в Москве. Правда, русские войска тогда до места войны так и не добрались, но в числе тех, кого скосили голод и болезни оказались и мужики Манюткиного семейства. Батя так и не вернулся с похода, а брата всё-таки успели привести домой его сбежавшие товарищи, правда, тот скончался от цинги спустя два дня.

Овдовевшая стрельчиха после кончины обоих кормильцев прокормить свою дочь сама никак не могла, поэтому наспех нашла такого же одинокого мужика, вечно пьяного купца с дочкой примерно Манюткиного возраста и выскочила за него замуж. Зажили они все вчетвером. Новоявленный папаша обрадовался, что теперь сможет колотить не только свою кровинушку, но ещё и её мачеху и сводную сестрицу. А Алёнка, его родная дочь, была дура душой, её поколотят, а она только улыбается, ходит и говорит мол за дело. Хотя всё же та была очень трудолюбивой: делала всю работу по дому, вечно копалась в огороде, даже деревце ореховое перед домом сама выращивала. Манютка уважала её за это и пыталась во всём на неё походить. Разве что не могла молчать, когда речь заходила о пьянчуге отчине и его методы воспитания. Когда он в

очередной раз поднимал руку на её мать или на Алёнку, Манютка закатывала такую истерику, что все шишки доставались непременно ей одной. Это, наверное, и стало причиной насмешек над ней со стороны соседских девчонок и осуждающих взглядов со стороны их родителей. Старушки на лавочках скандалистке Манютке начинали ставить в пример её прилежную сестрицу, мол, девочка умная, трудолюбивая, хорошенькая, а эта дрянь! Распутница и лентяйка — хоть отец молодец уму разуму учит. Им было и невдомёк, что до появления Манютки уму-разуму он также учил и свою покойную женушку, и свою дочь. Вот только если с женой со своей он всё-таки «доучился», то Алёнку он обижал только в период после смерти её матери и новой его женитьбы.

Как-то раз отправила их Манюткина мать в лес за ягодами и наказала дочке за сестрёнкой приглядывать. Отправились девочки на опушку. Обговорили так: Манютка станет собирать малину, а Алёнка землянику. Стали собирать ягоды. Да не заметили, как ягодка за ягодкой, кустик за кустиком, да упустили друг друга из виду. Пропала Алёнка в лесу.

Стала её Манютка искать. Весь вечер аукала, звала, надорвала горло, но не смогла найти свою сводную сестрицу. Так до ночи и проходила в поисках девочки. Вернулась Манютка домой к полуночи, вся грязная, истрепанная, корзинка поломанная, и стала плакаться родителям. Услышал

отец, что его дочь потерялась, как начал кричать, да как начал бесноваться, а мать Манюткина:

— Муженёк, ты только не серчай, — стала подливать ему в кувшин водку, — сейчас же Алёнку нашу найдём.

Повела Манютку из избы:

— Ах, ты дрянь такая! — сменилась в лице мать. — Я что тебе говорила! Ты почему его дочку потеряла?!

— Да я же не специально, — начала оправдываться Манютка.

— Ах, ты ещё и специально её где-то потеряла! Люди нас приютили, накормили, напоили, а ты вот как?

— Что? — раскрыла глаза от возмущения Манютка, — приютили, говоришь? Да лучше сдохнуть голодной смертью, чем иметь такой приют. Да ты хоть представляешь, каково это ходить по улице, когда на твои шрамы и ссадины смотрят и потешаются соседи и прохожие: дружки твоего муженька-алкаша? А Алёнка сама дура, ну зачем далеко убежала? Вот пусть и ищет теперь дорогу одна!

— Заткнись! — взвизгнула мать, — пошла вон отсюда! И что б я тебя без сестры тут не видела!

Мать вошла в избушку и закрыла дверь перед своей родной дочерью. Манютка в шоке от такого расклада постояла ещё немного в одиночестве, надеясь, что мамаша одумается, возьмёт отца, и они все вместе пойдут искать Алёнку. Но нет, никто и не

думал выходить. Вместо этого в избе потух свет, и она осталась стоять в полной тишине, иногда развеиваемой лаем соседских собак и редким шелестом листвы Алёнкиного орехового дерева.

Манютка хотела было закричать: «Эй, ты что, мать? С дубу рухнула? А ну отвори дверь!», но не получилось. Получился только тихий всхлип, и слёзы сами беззвучно покатали из глаз. Разбрызгивая солёные капли по земле, она повернулась спиной к отчему дому и побрела обратно в лес одна искать Алёнку.

Полумесяц слабенько светил сквозь заслонявшие небосвод облака, во мгле ночи дороге было видно плохо. Тишина. Только звук листвы под ногами да одинокий филин что-то иногда угукающий где-то вдали. Манютка шла по лесной тропе, а в голове была лишь пустота. Она уж и позабыла, куда — зачем шла и почему плакала, лишь знала, что дороги назад ей нет. Тьма нагнетала тоску, а сгущающиеся тучи усиливали печаль.

Внезапно Манютка услышала позади чьи-то шаги, её уже словно бы не волновало, что было позади, она равнодушно обернулась на звук и в следующий миг просияла от счастья. Перед ней грязная, вся в кровавых шрамах, ушибах и ссадинах, стояла Алёнка. Она отрешённо смотрела на Манютку и чего-то ждала. Тогда Манютка радостно воскликнула:

— Алёнушка, сестрица моя! Нашлась-таки! Идём скорее домой.

Алёнка помотала головой и безучастно сказала:

— Не пойду.

— Что? — удивилась Манютка, — как это ты не пойдёшь?

— Мань, давай отсюда убежим далеко-далеко, — опять-таки отстранённо говорила сестрица.

— Это ещё зачем? — продолжала удивляться Манютка. — Нам домой надо, без тебя наша мама велела мне не возвращаться.

— Она не моя мама, — сказала Алёнка.

— Ну и что? — скрестила руки Манютка. — Не хочешь ради мамы возвращаться домой, так пойдём хотя бы ради отца.

— Зачем? Чтобы он продолжил тебя бить? — Алёнка была всё так же потусторонне спокойной.

— Да что с тобой случилось? — наконец поинтересовалась девочка, — и откуда у тебя все эти шрамы?

— Я их сама себе сделала, — ответила Алёнка.

— Дура что ли? Зачем ты это сделала?

— Я хотела, чтобы мы с тобой были похожи, — Алёнка впервые улыбнулась, но это была совершенно не та улыбка, которую хотела видеть на лице своей сестры Манютка. От этой улыбки веяло леденящим ужасом. Казалось, сестрой овладели демоны.

Манютка с испугу перекрестилась и спросила:

— Похожей на меня?

— Да, на тебя.

— Но зачем тебе походить на меня?

— Ты походишь на мою маму. Она тоже защищала меня от папы. И я подумала, что если мы с тобой убежим, то с тобой не случится того же, что и с ней.

— А покалечила-то ты себя зачем?

— Так я себя наказала за то, что раньше боялась тебе это предложить.

— Бред какой-то. Сейчас то что изменилось?

— Я стала свободна, — опять нежно, но от этого не менее пугающе улыбнулась она, — и я больше ничего не боюсь.

— Как это стала свободна? А до этого тебя что, держали силой?

— Не совсем. Просто ко мне подошла старушка и освободила меня. Но ты не переживай, это было больно только поначалу, а потом я чувствовать перестала.

— Ладно, хватит этого бреда, — опомнилась Манютка, — пойдём домой!

Она, было, хотела схватить сестрицу под руку, но та её одёрнула и нараспев сказала:

— Не пойду, не пойду. Давай, сестрёнка, догоняй меня, — Алёнка побежала в сторону чащобы кустарников и деревьев, скрываясь в темноте леса.

— Да что же с тобой такое?! — в сердцах кинула Манютка и побежала за ней.

Застала она свою непутёвую сестрицу сидящей на одной из веток коренастого дерева. Сидела та достаточно высокогато. В руках она, раскачивая, держала полную корзинку земляники, которую, по

всей видимости, она весь день собирала. По одной яголке она доставала из лукошка и клала себе в рот.

— Ты же тоже весь день ничего не ела, — сказала Аленка, заметив нагнавшую её девочку, — присоединяйся.

— Давай, слезай оттуда — дома поедим! — скомандовала Манютка и тщетно стала пытаться залезть за своей сестрёнкой, не сумев взобраться на ветку, она немного отошла назад и продолжила: — заканчивай вредничать уже, поиграли и хва... — Манютка оборвалась на полуслове от того, что увидела следом.

От страха у неё затряслись ноги, сжались губы и расширились глаза. Позади Алёнки на пригорке Манютка разглядела зловещую пасть клыкастого большого и серого волка.

— Алёнка, сзади! — только и успела крикнуть Манютка, но волк прямо на её глазах одним лишь прыжком настиг, так ничего и не успевшую понять Алёнку.

Девочка увидела, как блеснули волчьи глаза, сверкнули зубы, ствол дуба окропило красным, яголки вместе с корзинкой посыпались дождиком. Сестрица упала с облюбованного ею места — безжизненное лицо на её свёрнутой голове было устремлено в Манюткины очи. В следующий миг Манютка бросилась прочь. Не помня себя от переживаемого шока, она бежала и бежала, пока совсем не обессилела, не сбилась с ног и не упала наземь. Так она лежала с минуту, пока не увидела

небольшую землянку перед собой. С трудом преодолевая слабость в ногах, поднялась и тихо потопала к входу в землянку. Вход перегорожен ничем не был. Она вошла в покосившийся дверной проём и стала осматриваться.

Внутри было на удивление тепло, впрочем, видно ничего не было из-за отсутствия света. Девочка прошла немного вперёд и наткнулась на что-то большое и пушистое. Как раз к этому моменту глаза уже свыклись с темнотой, и во мгле деревянной землянки стали проступать очертания большого бурого медведя, спящего на полу.

С тех пор прошло немало времени. Манютка и Ваня не сразу, но всё же смогли наладить контакт и стали жить вместе. Манютка сама не знала почему, но она не хотела возвращаться домой. Хоть и понимала, что, расскажи она всё это отчиму с матерью, они её таки простят, ведь в конце концов они же её родители; как минимум мама бы точно рано или поздно простила. Но что-то внутри ей подсказывало не делать этого.

Жили неплохо. С голоду не страдали: Мишка Ваня раз в две недели ходил на охоту, а Манютка каждый день собирала ягоды. Затем она готовила варенье и жарила добытую Ванюшкой дичь. Ваня сам никогда ничего не ел. Девочка спрашивала, почему это он ничего никогда не кушает. Разве медведи не наедаются перед зимой? Но как ни старалась Манютка понять немые намёки медведя, так и не смогла.

Как-то раз они наткнулись на четверых людей в лесу. Трое из них выглядели по-богатому — здоровые лбы, а четвёртый совсем ещё мальчишка, ну оборванец оборванцем. Те трое били мальчика. Ваня-то было уже хотел пройти мимо, дабы в пелене деревьев и ёлок их с Манюткой не увидели, но девочке, видимо, стало жаль того парнишку, потому она и попросила медведя спасти его. Ваня пожал плечами, вышел из кустов да разорвал первого, второго, а третьего трогать не стал. Мальчишка, втоптаный в грязь, еле живой, с трудом приподнявшись, крикнул: «Стой» — и стал умолять медведя пощадить жизнь этого человека.

Они принесли мальчика в дом. Манютка обработала его раны и позволила тому остаться, куда раны не заживут. Сама же она с Ванькой отправилась дальше собирать ягоды.

Почему она оставила незнакомого ей человека одного в доме, Манютка на тот момент даже и не задумывалась. Всё-таки её цель — собрать как можно больше ягод — была превыше всего. Медведь же Ванька не стал возражать против такого решения, потому как упёртая девчонка всё равно бы его не послушалась. А сам он не остался сторожить мальчика, дабы чего плохого не случилось с Манюткой. Так они и оставили маленького воришку в их доме без присмотра.

Манютка с фанатичным упорством искала землянику, а как только находила усеянную ею полянку, принималась долго по ней ползать, собирая

спелые ягоды, да так, чтобы ни одной не пропустить. Её корзинка наполнялась красными, сочными, прелестными плодами земли русской. Девочкой двигало странное чувство вины перед сестрой, и выражалось оно в стремлении искупить его таким вот странным способом. Укладывала она каждую ягодку аккуратно, одна к одной, и к вечеру она набирала целую корзинку. После, вся грязная, потная, но такая радостная и довольная, она с Ванькой возвращалась домой. На этот же раз она рассчитывала угостить и их гостя. Запасов у них уже было много, так что растрат она не боялась.

Но по возвращении Кешу они не обнаружили, разве что лапти его остались там, где она их положила. Манютка подумала, что мальчик куда-то отошёл ненадолго погулять, но спустя достаточное время он так и не объявился. Манютка огорчённо посмотрела на медведя, а тот понимающе посмотрел на неё. Девочка уже давно не видала других людей, тем более ребят её возраста, и вот у неё появился шанс подружиться с кем-нибудь, и она, дурёха такая, упустила его. Медведь огляделся, что-то увидел и боднул Манютку, намекая на то, чтобы та взобралась на него.

— Не хочу, Ваня, я кататься. Устала. Пойду спать ложиться.

Но медведь упорно от неё не отставал. Он ухватил зубами девочку за рукав и потянул на себя.

— Ну что тебе? — спросила Манютка. — Ладно, идем, раз так хочешь.

Манютка всё же вскарабкалась на Ваню, и тот подошёл с ней к поломанному кусту. Понюхал его и направился дальше, затем, чтобы найти ещё одно неестественное изменение в ландшафте. Так они отправились по Кешиному следу.

Только к ночи они заметили небольшое свечение меж деревьев. Осторожно они обошли источник света по дуге и стали выглядывать из-за кустов. На небольшой полянке горел костёр. Рядом с ним никого не было, зато чуть поодаль, за противоположными деревьями, слышалась какая-то возня. Внезапно там что-то вспыхнуло, и лес стало охватывать пламенем. Манютка с Ванькой, не теряя ни секунды, бросились в ту сторону. Пока бежали, увидели такую сцену:

Последний недобитый купеческий сын, тот, за которого заступился Кеша, угрожающе нависал над своим же спасителем, одновременно пытаясь того задушить и заколоть ножом. Медведь изо всех сил спешил на помощь, но, судя по расстоянию, никак не успевал. Хотя мальчик и сам помощи никакой не ждал. В последний момент он схватил с земли какой-то булыжник и что есть силы ударил по своему обидчику. Тот отшатнулся, но не упал, и тогда паренёк стал забивать того насмерть.

Манютка, не помня себя, смотрела на это, и словно бы что-то в её памяти для неё открывалось. Что-то в этом убийстве было такое, от чего она оказалась в замешательстве. В тот момент, когда Ваня расправился с первыми двумя братьями, она не

испытала какого-то шока, но сейчас в её голове картинка была куда ярче. То ли от того, что так на неё повлияло пламя, в свете которого казалось, что этого мальчика с каждым его новым ударом всё больше обволакивает зловещая аура, то ли от того, что эта сцена казалась ей немного знакомой — её небольшой ментальный блок, который создала её психика, потихоньку стал ломаться.

Она стала вспоминать момент смерти своей сестры. Вот она говорит ей, чтобы та слезала с дерева, вот она тщетно пытается добраться до ветки, где та сидит, вот у неё не выходит этого сделать, вот она... «Погодите», — подумалось девочке. Она не старалась взобраться на ветку, она старалась снять с неё свою глупую сестрицу.

Именно этот момент и именно тот факт, что она забыла это, так и шокировали её в данную секунду. Во всём была виновата она и только она — Манютка. Потому всё время её сжигало это чувство. Потому было это неугасаемое желание собрать как можно больше земляники. И именно поэтому она никак не хотела возвращаться домой. Не было никакой крови на дубе, не было никакой волчьей пасти, как и самого волка, была только пустая упавшая корзинка и свёрнутая Алёнкина шея.

Глава 3. Сказ о двух царях.

Огоньки перепрыгивали с травы на кусты, с кустов на ветки, с веток на деревья. Пожар сжигал всё. Он разрастался с великим нетерпением, оставляя после себя лишь зловещее пепелище в виде угарного дыма, пыли, тёмной сажи и тлеющих угольков. Ночной лес обдало ярким пламенным пеклом.

Адское горение настигало и мальчика по имени Кеша, что на коленях сидел перед убитым им человеком и ждал своей незавидной участи. Угрожающий треск, поедавшего всё до чего можно было достать огня, становился ближе и ближе. Жутким жаром разогретого воздуха обдавало спину и затылок. Казалось, вот-вот полыхающая рука смерти, наконец, дотянется и до него, чтобы забрать грешную душу мальчишки в свои смертельные объятия. Однако в последний момент его кто-то подхватил за шкуру, с лёгкостью приподнял и быстрым передвижением потащил вперёд, волоча его колени по земле, унося прочь от всепоглощающих и не щадящих ничто и никого возгораний.

Продолжалось это недолго. Позади послышался протяжный вой, и Кеша, наконец, понял, что худшие его опасения подтвердились. Как только он успел что-либо сообразить, откуда-то сверху раздалось всполошённое Манюткино восклицание:

— Ваня, волки!

И тут же парень увидел, как того, кто его нёс, и соответственно его самого, обгоняет серая злобная

псины, чтобы в следующий момент с визгом броситься на них. Воротник Кешинной рубахи отпустили, парень, упав на землю, немного прокатился и узрел, как на фоне нагоняющего их растущего пламени здоровенная волчья пасть впивается в переднюю правую лапу медведя, которой тот намеревался защищаться. Но даже тогда медведь Иван не растерялся: он с силой опустил лапу, так что волка больно ударило о землю, и тот, заскулив, отцепился и побежал прочь. Вместе с тем расслабляться не приходилось: стая остальных волков потихоньку начинала обступать нашу троицу новоявленных товарищей по несчастью.

Кроме того, медленно, но верно их окружал ещё один враг — огонь. Так что если они и смогли бы продержаться против волков, то только до той поры, пока тех не спугнёт пламя, рост которого ускорялся в геометрической прогрессии. Кеша к этому времени успел подняться и встать рядом с девочкой и мишкой, так что со стороны даже казалось, что они действительно давние соратники, в очередной раз попавшие в беду.

— Что этим волкам нужно? Разве им не надо, так же как нам, спастись от огня? — спросил парень.

— Может, у них спросишь? — саркастично предложила Манютка, а сама о чём-то задумалась.

— И что за чёрт их сюда притащил? — выругался Кеша, пока Манютка, явно думающая о чём-то своём, тревожно вздыхала.

— Нужно попробовать прорваться силой, — произнесла она вдруг. — Иначе не съедят, так сгорим заживо...

Ну а тем временем: за забытыми горами, за увядшими полями, за пустыми бытиями, в общем, за пределами разворываемой матушки России, когда-то давно существовала такая страна и называлась она Велейной Двудержавией. Называлась она так, потому что ею правили два монарха, или, как их называли жители этой страны, велидержавца. Один из них детей совсем не имел, а вот у второго, Михаила велидержавца Дващовского, было целых два сына-близнеца. Сами монархи тоже были братьями; так уж повелось, что в их роду рождались только двойняшки, причём у одного из близнецов всегда обнаруживалось полное бесплодие, из-за чего наследников тот иметь не мог, а вот у второго близнеца, сколько наследников ни заводил, всегда рождались по двое.

У велидержавца Михаила первые близняшки получились девочками, которых тот сильно-сильно любил, но поскольку предпочтение в наследовании государства всегда отдавалось мужской стороне, монарх со своей прекрасной женой завели ещё одну двойню. И на этот раз оба были мальчиками.

Росли близнецы, горя не знали, и однажды отец позвал их к себе, говорит:

— Вот сыновья мои, вы и выросли, а для того, чтобы проверить, достойны ли вы великих тронов, вы должны совершить великий подвиг. Наказываю вам

достать мне Жар-птицу.

Ужаснулись братья. Ведь сколько существовала эта страна, Жар-птицу достать не удавалось никому. Закручинились, пригорюнились, но делать было нечего — отправились братья за Жар-птицей.

Шли они, шли, шли, шли, шли, но пока ещё не пришли. В общем, таки смогли выйти они на указатель, на котором было указано два направления: одно — в сторону речки Рель, к городу Рельграду, где правил Владимир велидержавец Рельский, а второе — к Жар-птице. Ну и порешили, что один брат пойдёт в Рельград за помощью, а второй сразу направится к Жар-птице. Здесь, у этого указателя, прежние пути двух братьев и разошлись навсегда.

Тучи сгущались, закрывая собою последние лучики солнца, пробивавшиеся на горизонте. На лес потихоньку спускалась вечерняя тьма. Звук топота от нескольких сотен пар ног раздавался эхом по всей округе. Равномерным шагом эти сотни выстукивали марш, при этом стараясь перешагивать человеческие останки, лежащие то тут, то там по всей дороге. Николай ехал верхом на коне во главе своего военного отряда, состоящего из множества отборных солдат. Это были самые лучшие, самые обученные и дисциплинированные бойцы из всех, кто проходил службу в армии Высоких Дващей. Подле него ехали полковой генерал, а также личный советник Николая и по совместительству их с братом Романом лучший друг Леонид Нокардов. Они ехали уже несколько

дней по этой дороге из трупов, и Николай уже не раз перебирал в голове возможные варианты того, почему отец поручил им столь опасное задание.

Отец — он был всегда таким добрым и мягким, и этим пользовались абсолютно все. Если так подумать, то государством управлял даже не он сам, а его советники. Неужели он отправил своих сыновей в это ужасное место по указке вельмож? Неужели он пошёл у них на поводу, хотя прекрасно знал, что это путь в один конец. Нет, до такого бы точно не дошло — по крайней мере, так хотел думать Николай.

— Ох уж эта Жар-птица, да? — ободряюще произнёс Леонид, ехавший по правую руку от Николая. — Множество великих героев пытались ею завладеть, но вернуться удавалось лишь единицам.

— Угу, — грустно ответил Николай.

— Ну не переживайте вы так, Ваше Превосходительство, — поспешил утешить его Леонид, — задание-то если и провалим, то защитить-то мы вас уж точно защитим.

— Да, я не за себя беспокоюсь, — теперь уже более спокойно проговорил Николай, — как только подумаю, сколько людей может погибнуть по моей вине, аж в дрожь бросает.

— Все ваши воины всё прекрасно понимают, — слышался слева голос генерала, — мы знаем, как Жар-Птица важна для нашей страны, и поэтому готовы положить головы за одну только лишь возможность ею овладеть.

— Чудовища, да? — тихо произнёс Николай.

— Именно так, чудовища, Ваше Превосходительство, — ответил генерал. — Жар-Птица — это ключ к решению всех наших проблем, и только при её помощи мы сможем очистить долину от этих богомерзких тварей. Вам-то это больше всех известно.

Николай помолчал. Генерал напомнил о событиях из его детства, которые вспоминать ему не хотелось. Вопреки этому в голове одна за другой против воли стали всплывать картинки этих уродливых созданий, которые до сих пор к нему приходили во сне. И вот они снова идут туда. В этот раз уже с оружием и специальными приспособлениями для их уничтожения, но зная все эти кошмарные истории про кровавые походы, видя всех тех немногих, кому удалось вернуться, его одолевал тот детский ужас, пережитый восемь лет назад.

Парень всю дорогу старался отгонять эти мысли от себя, думая о чём-нибудь другом. Например, прикидывая, сколько времени понадобится его брату, чтобы добраться до Рельграда, а затем сможет ли он заручиться помощью тамошнего монарха. Конечно, он был уверен в дипломатических навыках своего брата и в велидержавце Рельском он не сомневался: в конце концов, последний был их родным человеком, правда, братья с ним были не так хорошо знакомы. Всё своё детство будущие государи провели в Высоких Дващах — только несколько лет назад отец взял их с собой в Рельград, и то с дядей те виделись

лишь пару раз. Впервые они встретились, когда их представляли друг другу, а второй раз — вообще случайно. Владимир Рельский проходил со своею свитой мимо по коридору, когда Роман с Николаем направлялись на их ежедневный спарринг по фехтованию. Тогда-то Роман с монархом и обменялись взглядами. Брат Николая в тот момент понял, что дядя глядел на него с испугом. Похоже, было на то, что он опасался Романа: боялся, что тот отнимет его трон раньше положенного. Однако Роман бы так ни за что не поступил, в этом Николай ни капли не сомневался. Он знал, что его брат — честный и порядочный человек. Ведь в трудную минуту именно он всегда приходил к Николаю на помощь. Именно благодаря ему они и смогли спастись от тех ужасных тварей восемь лет назад.

Николай тяжело вздохнул: он в очередной раз вернулся к этим мыслям — что-то нужно было с этим делать. Страх снова встретить тех монстров, или, как местные их называли, ипостасей, снова затуманивал его рассудок, тем хуже, что наконец они достигли конца дороги, обрывающейся густыми зарослями леса. По её обочине были расставлены святые фонари, отпугивающие эту нечисть, и только одному господу богу невероятному было известно, сколько людей погибло, выкладывая этот небольшой клочок безопасности. Кости и рваное тряпье — это всё, что осталось от её укладчиков. Николай судорожно сглотнул, плясь на тёмную густую чащу.

— Правильнее будет остановиться тут и дожждаться утра, — посоветовал ему Леонид.

— Если мы будем ждать здесь, — заявил генерал, — нас обязательно заметят, и мы потеряем эффект неожиданности.

— Да, выдвигаться нужно сейчас, — спешившись с лошади, рассудил Николай, — под покровом ночи и как можно тише. Кроме того, то место, куда мы идём, охраняется чудовищем, невосприимчивым к святому очищению: он может достать нас и тут. Генерал, прикажите активировать переносные башни и оповестите всех, чтобы двигались как можно тише.

— Есть, Ваше Превосходительство!

И они выдвинулись. Тем не менее, как можно тише не получилось. Треск веток, а также нервные перешёптывания явно привлекали к себе лишнее внимание здешних обитателей. С другой стороны, переносные башни святого очищения делали своё дело и близко никого лишнего не подпускали. Но так ли далёк тот час, когда об их прибытии станет известно ему? Тому существу, что издревле наводил ужас на жителей Велейной Двудержавии? Тому, что уничтожал множество их поселений, постоянно нападал на их города и убивал людей десятками тысяч? Николай чувствовал эти тревожные настроения, что гуляли в тихих солдатских переговорах. Они тоже боялись. И он не мог их винить, в конце концов, все они были такими же людьми, как и он. Но даже несмотря на это, эти люди, эти отважные мужья, шли вперёд вместе с

ним. Кто-то даже умудрялся шутить, как он отобьёт все бока этим чёртовым тварям. Что какая-то там бесовщина не заставит склониться им перед нечистой силой. В ходу были разные остроты, а также нелепые, смешные обзывательства, придуманные для их противника. Люди предпочитали смеяться страху в лицо, что тоже можно было понять. Хотя самому Николаю смеяться не хотелось. Многие из этих солдат, хоть и были обученными профессиональными бойцами, всё же никогда не были в полноценном походе. Если они и видели обсуждаемую ими нечистую силу, то только на хорошо охраняемых участках, где той быстро приходил конец. Сейчас же была совершенно другая ситуация. Они шли в логово врага, а эта местность была вражеской территорией. И святое очищение помогало изгнать лишь самих демонов, оболочки же их всё ещё оставались опасными, потому-то те и не приближались. Впрочем, если бы они захотели напасть — они обязательно напали бы, ведь подобные нападения случались и раньше.

Солнце уже село окончательно, и они шли в свете факелов. К этому моменту тучи потихоньку стали расступаться, а вдаль показались горы, освещаемые светом огромной синей луны. Эти горы окружали всю Велейную Двудержавию, а путь через них был очень и очень опасен. Наконец, макушки этих гор стали совсем большими, и вскоре дващовская армия вышла на выжженную, безжизненную поляну, которая вела к обширному ущелью, где и виднелась

их заветная цель.

— О да, вот и она, — порадовался вслух Леонид, — лощина Жар-Птица!

— Надеюсь, её страж сейчас спит, и мы сможем напасть на него неожиданно, — высказался Николай. — Ладно, идём.

Николай и Леонид вместе с небольшим отрядом выдвинулись вперёд, а генерал стал отдавать старшим офицерам приказы об оцеплении в соответствии с ранее разработанным планом. Николай ступал по рассыпающимся в прах останкам веток, кустов, деревьев и людей. На том конце пустыря была небольшая чащоба, но до неё нужно было добраться. Признаков того, что их кто-то заметил, пока не было, но его тревожило странное чувство. Всё было как-то слишком просто. Он видел эти груды костей, оставленные то тут, то там с предыдущих походов на Жар-Птицу, и почему-то казалось, что его отряд в любую секунду постигнет та же участь. Тем не менее, волноваться было не о чем. В этот раз план учитывал все ошибки их предшественников. Судя по рассказам тех, кто сумел выжить в предыдущих походах, войска погибали не столько из-за главного чудовища, невосприимчивого к святому очищению, сколько от пастей орд других демонов, прибывавших из лесу. Всё просто: этот монстр в первую очередь уничтожал башни и только потом начинал убивать людей. Сейчас же, в отличие от предыдущих разов, войска окружали выжженное поле, образуя некую дугу, как бы опоясывая его

и подбираясь к лощине с разных сторон. Помимо всего прочего, башни они прятали в лесных зарослях так, что теперь монстры не могли напасть оттуда. Отряд же Николая выступал в качестве отвлекающего манёвра, при этом готовый вступить в сражение с главным монстром вблизи. С самого начала было продумано всё до мелочей, и даже в самом худшем случае, как минимум, у них будет возможность отступить и перегруппироваться.

Внезапно произошло то, чего Николай ждал и одновременно боялся больше всего — над деревьями в лесу вспорхнули стаи птиц. Это означало только одно: их заметили. По всей округе, как гром среди ясного неба, прогрехотал зловещий рёв. Он эхом разнёсся во все стороны, отражаясь от скал и уносясь куда-то вглубь ущелья и леса. Отряд стал разбегаться в разные стороны, начал ставить укрепления, разворачивать баллистические орудия и занимать удобные позиции. Николай оглядел скалы, затем лощину и забеспокоился ещё сильнее: он никого не видел.

— Что происходит? — произнёс парень, мотая головой из стороны в сторону. — Где он? Кто-нибудь видит?

— Ваше Превосходительство, — в ужасе закричал кто-то из толпы солдат, — смотрите... прикрытие... оно...

Николай обернулся: в чащобе, откуда они отошли несколько минут назад, поднимался густой столб дыма.

— Боже мой, — произнёс Николай, — как они узнали о нашем плане?

Из чащи вылетело громадное крылатое существо с тремя головами и стало изрыгать длиннющие струи пламени, поджигая окружавший поляну лес.

— Быстрее, — выкрикнул кто-то из толпы, — сматываемся отсюда к лощине!

— Стоять! — закричал Николай, но подданные его уже не слушали.

Большинство солдат побежали вглубь ущелья, где их поджидала верная смерть. Они и позабыли, что только вблизи башен были под защитой. Из леса в середине ущелья толпами стали выходить уродливые твари, издали похожие на диких животных. Но при детальном рассмотрении можно было заметить множество отличий: кости, выступающие наружу, конечности, растущие не так, как нужно, клыки и рога у тех, у кого их быть не должно, уродливо выгнутые тела, искривлённые шеи, головы неправильной формы; у кое-кого была просвечивающая кожа, обнажающая все их внутренности. Монстры стали хватать трусливых солдат своими зубами и отрывать от них куски плоти.

Всё произошло так быстро. От сотни солдат из Николаева отряда осталось от силы пара десятков самых преданных, но и они были в ступоре от кошмаров, творившихся с их сослуживцами прямо на их глазах. Но это были лишь цветочки. Вскоре к оставшемуся отряду направился змей. Солдаты в спешке начали занимать брошенные их соратниками

баллисты, сам Николай залез в одну из таких и стал целиться в летящего монстра. Не успели они опомниться, как их залило жаркими струями пламени. Три огненные вспышки тут же подорвали несколько орудий и подожгли переносную башню святого очищения. Ну а дальше Николай уже и не видел, что происходит. Тонны дыма и яркие всполохи пламени застлали ему весь обзор. Очередная струя огня полетела прямо в его баллисту, и он даже не успел понять, каким образом спасся оттуда. Растерянно Николай заозирался, пытаясь понять обстановку. Всё было в дыму и огне. Заживо горящие люди бегали по полю, не в силах потушить себя. Жуткие крики боли, рёв монстра, парящего над ними, и запах горящей плоти вперемешку с дымом наполняли его рассудок. И когда уже отчаяние полностью поглотило парня, на своём плече он почувствовал чью-то руку. Он беспомощно обернулся и увидел Леонида.

— Ваше Превосходительство, нужно уходить! — кричал он.

Николай лишь кивнул и направился следом за своим другом. Обходя горящие обломки, уклоняясь от хаотично бегающих туда-сюда солдат и стараясь не попасть под пламенные струи, они бежали в непонятном Николаю направлении. Да и куда они могли убежать? Впереди были полчища монстров, позади — горящий лес, а сами они варились в адском котле. Скорее всего, Леонид рассчитывал на то, что они смогут спастись там, откуда пришли, ведь если

выбирать между демоническим отродьем и горящим лесом во втором были хотя бы шансы выжить.

Они выбежали на участок поля в отдалении от места сражения и кинулись к пылающим вдали зарослям. Но все их надежды сбежать рассыпались прахом, когда прямо перед ними по земле прошёлся громадный столп пламени, обдавая лютым жаром и как бы отрезая им путь вперёд. Николай инстинктивно отпрыгнул назад, но от неожиданности ноги покосились и уронили его на спину. Попытку подняться пресёк сильный грохот, волною пронёсшийся по всей земле вокруг. Гигантское, зловещее чудовище приземлилось прямо перед ними. У Николая перехватило дыхание, сердце громко пыталось вырваться из груди, глаза выкатывались из орбит, а на лице застыла гримаса ужаса. Монстр устремил все свои три головы на него и, не мигая, смотрел прямо ему в лицо всеми своими шестью зрачками. Одна из его пастей открылась, и Николай уже приготовился встретить свой конец, а чудовище рычащим нечеловеческим голосом вымолвило:

— Мерзкие макаки!

А в это время брат Николая Роман проходил со своей небольшой свитой под полукруглой аркой ворот славной столицы Велейной Двудержавии, в огромный город Рельград. Поселение это было куда старше родного городка братьев — Высоких Дващей — и поэтому было менее презентабельным, но более обжитым. Если Высокие Дващи строились по

чертежам и планам стародревних правителей, то Рельград издревле городился сам по себе и вырос в большую столицу. На его окраинах были дома победнее, к центру же жилища становились всё краше и краше, пока не перетекали в высокий расписной дворец, башни которого величественно возвышались над всем городом и освещали его светлым переливанием своих золотых куполов. Люди здесь, в отличие от всё тех же Высоких Дващей, были менее суетливыми. Старые и молодые граждане нерасторопно, вразвалочку ходили то туда, то сюда по разным занятиям, некоторые располагались на скамеечках и что-то лениво обсуждали друг с другом, а кто был побогаче, сидел у себя на веранде и со скучающим взглядом наблюдал за вялотекущей жизнью на улице.

Роман и его небольшой отряд ехали по одной из центральных дорог. Зеваки на мгновение бросали на них равнодушные взгляды и продолжали заниматься своими делами. Отряд подъехал к воротам замка, где их встретил один из стражников, не спеша подскочивший со своей скамеечки подле стены, на которой он и его напарник сидели всё это время.

— Кто такие? — вяло спросил он.

— Я Роман, сын велидержавца Михаила Дващовского, у меня важное дело к монарху Рельграда.

— Никаких распоряжений по поводу вас не поступало, — как-то неуверенно объявил стражник.

— Ну, так иди, спроси у своего командира! — раздражённо брякнул один из воевод Романова отряда, которого звали Георгием Викториавским. — Перед тобой будущий правитель этих земель, а ты тут как боров стоишь, еле шевелишься!

— Так, гражданин, не грубить тут! — огрызнулся стражник, но всё-таки, не спеша, повернул голову к своему напарнику и без интереса проговорил: — Никитыч, хочешь сходить за старшим смены?

Никитыч, судя по всему, не хотел, впрочем, как и его коллега, тягуче зевнув, всё же выдавил из себя:

— Ладно, — нерасторопно встал с табуреточки, на которой сидел, и скрылся за ворота.

Вопреки ожиданиям Романа, командира привели довольно быстро. Это был немного полноватый мужичок с небольшой плешью из седых волос и висящими под носом усами. Он пристально оглядел пришедших, что-то два раза хмыкнул про себя и сказал:

— Здравствуйте, Ваше Превосходительство, — поклонился, спросил: — У вас какое-то дело к Его Велидержавию?

Роман постарался припомнить этого мужичка, и в памяти всё же всплыло его лицо: в прошлый раз братьев с отцом встречал тоже он.

— Майор, — уважительно обратился к нему Роман, — я пришёл просить у своего дяди помощи. В конце концов, мы с братом стараемся на благо всей нашей страны.

Старичок снисходительно улыбнулся, жестом намекнул сходить с коня, приговаривая:

— Конечно, я предупрежу Его Велидержавие о том, что вы порадовали нас своим присутствием, а Ваше Превосходительство пока может пожаловать в замок, я распоряжусь, чтобы для вас приготовили палаты, — он посмотрел на отряд, — сопровождающим же придётся остаться, мы сами позаботимся о Вашем Превосходительстве.

— Эй! — возмутился всё тот же воевода. — это как же Его Превосходительство будет без своей свиты?

— Попрошу успокоиться, — приструнил своего разбушевавшегося солдата Роман, — приказываю вам ненадолго остановиться в яме или каком другом дворе, пока я договорюсь с велидержавцем Рельским. Вы же должны подготовиться выдвигаться в любой момент.

— Так точно, Ваше Превосходительство! — тут же опомнился Викториавский.

Роман со всей своей доброжелательностью посмотрел на майора; тот ему тоже немного поклонился, а затем жестом указал проследовать за ворота.

Старый глава охраны отдал парня на попечение служанок и двух стражников, хвостиком начавших ходить за юным господином, а сам, как и обещал, направился предупреждать Владимира Рельского о неожиданном визитере. Служанки сняли его походную одежду, умыли, переодели и отвели в гостевую комнату наверху одной из башен северной

стороны Рельградского дворца, сказали ожидать.

Когда все, наконец, удалились и Роман остался наедине с собой, он тяжело вздохнул и прекратил растягивать губы в вежливой улыбке. Ему тяжело давалось сохранять лицо, потому как он чувствовал, что не является тут желанным гостем, хотя бы потому, что стражники, когда ему показывали эту комнату, стояли снаружи у дверей. Он был уверен, что те до сих пор там так и стоят — непонятно, от кого его охраняют.

Парень плюхнулся на обширную кровать и сделал ещё пару больших вздохов. Солнце за окном уже садилось, потому он был уверен, что основная часть войска, возглавляемая его братом, уже добралась до конца южного хода Большого Тракта и входила в Ипостасевы Дебри. Через несколько часов они должны были выйти к лощине Жар-птица и сразиться с ужасным монстром, охраняющим её. Даже если Роман и смог бы убедить их дядю дать ещё солдат, он всё равно не поспевал за Николаем. Роман поднёс ладонь к лицу, прикрыл глаза и помассировал веки. Оставалось надеяться, что братец выживет в том аду, в который он сейчас направлялся.

Спустя какое-то время к нему всё же зашли и пригласили на приём к Его Велидержавию. Слуги сопроводили парня вниз по винтовой лестнице, и повели к парадному входу. Стража отворила врата тронного зала, и обзору Романа открылась обширная палата, по бокам которой восседали различного рода: важно выглядящие вельможи, что-то постоянно

записывающие сановники и деланно нахмуренные дипломаты. Сам же Владимир, велидержавец Рельский, восседал у самой дальней стены и, конечно, посреди всех этих напыщенных людей. Он о чём-то тихо совещался со своим помощником. Роман сделал как можно более добродушное лицо и гордой поступью направился вперёд. Проходя по этой зале и чувствуя на себе десятки насмешливых взглядов этих напыщенных, воняющих потом и затхлостью, толстых чинуш, он ощущал, как уходит весь его пыл. Сейчас его разум занимала только одна мысль: он в логове врага.

Парень остановился, не доходя несколько шагов до пьедестала с дядиным тронem, не меняясь в лице, вежливо оглядел всех, находившихся подле велидержавца, и, не опуская головы, встал на одно колено.

— Ваше Велидержавие, позвольте попросить вас...
— начал он, но дядя тут же перебил.

— Давай-ка для начала поздороваемся, племянничек, — не слишком вежливо произнёс он. — Приветствую тебя, Роман Дващовский, — деланно молвил монарх. — Рассказывай: откуда путь держишь, как там мой брат поживает?

— Ваше Велидержавие, не хочу вам прекословить, но прошу выслушать меня, так как на счету каждая секунда. Ваш брат — мой отец — приказал нам с моим братом достать Жар-птицу. Надеюсь, вы понимаете, насколько это опасное задание? Я пришёл сюда, чтобы просить у вас поддержки.

— А где твой брат Николай сейчас? — дядино лицо приобрело серьёзное выражение.

— Он отправился вперёд и рассчитывает, что я приведу ещё войска.

— И ты хочешь, чтобы эти войска дал тебе я?

— Да, Ваше Велидержавие.

Дядя скрестил руки на груди и коротко хмыкнул:

— Как-то мне всё это не нравится, — проговорил он, — кроме того, у меня к тебе будет несколько вопросов.

— Задавайте, дядя.

— Во-первых, почему это вы с братом оба не пришли ко мне?

— Мы...

— Во-вторых, — перебил его монарх, — почему это ваш отец отправил вас, сыновей своих, в столь опасное путешествие?

— Чтобы мы могли...

— И, в-третьих, — продолжал Рельский, — если вы всё же пошли в поход на Жар-птицу, почему тогда твои люди пытались пробраться в замок вопреки наказу начальника стражи?

— В каком это смысле пытались? — искренне удивился Роман. — Я же им приказал ждать меня в городе.

— А вот в таком: несколько минут назад поймали трёх человек, которые были замечены на входе вместе с тобой.

— Возможно, это какая-то ошибка...

— Введите их, — громко приказал велидержавец.

В зал ввели троих пленных, Роман тут же признал в них своих солдат. Он непонимающе посмотрел на вошедших, а затем перевёл взгляд на велидержавца, который пристально пытался разглядеть что-то на лице племянника.

— Ты хотел меня свергнуть, да? — проницательно спросил он. — Ты хотел занять моё место раньше положенного срока? Не отнекивайся, я хорошо знаю таких, как ты. Сначала строите из себя саму невинность, а затем всаживаете нож в спину.

Роман окончательно растерял все нотки самообладания; он резко поднялся, заставив стражу тут же подскочить к нему, и холодно высказался:

— Думай что хочешь, любезный дядюшка, я так понял, помощи от тебя не дождешься, придётся нам с Николаем разбираться своими силами, как впрочем и всегда, — он развернулся, чтобы уйти, но дядин голос его остановил:

— О нет, молодой человек, никуда ты не пойдёшь, пока я не свяжусь с твоим отцом, — после этих слов он стал отдавать приказы страже: — мальчишку отведите в его комнату, а этих, — он посмотрел на солдат, — бросьте в темницу.

Когда Романа под руки ввели в комнату, предоставленную ему ранее, он уже понимал, что дядя планировал нечто подобное с самого начала. Парнишка уже давно подозревал, что старик хочет править Рельградом до конца своих дней, хотя не понимал, как тот задумывал реализовывать это на

практике; теперь же всё вставало на свои места.

Роман подошёл к занавешенному окну, которое снаружи было укреплено решёткой, и подумал, что мог бы догадаться об этом ещё тогда, когда ему показывали эти покои. Он улыбнулся своим мыслям, и как раз в этот момент дверь отворилась, и в проёме показался тот самый начальник стражи, а за ним и сам монарх. Следом вошли ещё два стражника.

— Дядя, когда ты решил, что этой стране нужен старый маразматик? — осторожно отходя от окна, поинтересовался Роман.

— А ты всё тот же грубиян, что и в детстве, — отозвался велидержавец.

— Мой брат уже даже и не помнит, как в ту пору ты ещё навещал нашего отца, сейчас же ты превратился в жадного до власти параноика.

— Что поделать. Все правители Рельграда такие. Я понял это, как только посмотрел на тебя. Надеюсь, мне не нужно объяснять почему?

— Потому что я напомнил тебя. Потому что это был ты, ты убил того, кто правил Рельградом до тебя.

— Именно, — подтвердил дядя, — и потому что ты так похож на меня, я и смог предугадать все твои замыслы.

Роман зловеще ухмыльнулся:

— Ты так в этом уверен?

— Абсолютно. И ты сейчас мне расскажешь, где все остальные твои поделники. Я знаю, что они тоже где-то что-то замышляют.

— Я приказал им найти место, где они могли бы переночевать...

— Не ври мне, мои люди объехали все постоянные дворы и нигде их не обнаружили. Ты замышляешь государственный переворот, и у меня все доказательства на руках. Когда твой отец и его советники об этом узнают, ты уже никогда не сможешь стать велидержавцем Рельграда. Даже после моей смерти!

— Поправочка, если узнают, — произнёс Роман, и с этими словами из большого шифоньера подле двери выскочил человек.

Это был тот самый воевода Георгий Викториаевский, один из преданных подчинённых Романа. Сначала он зарубил одного стражника, затем кинулся на второго, но тут подоспел начальник стражи. Одним ударом лихой старичок тут же выбил меч воеводы из рук, а вторым вмиг отсёк ему голову. Все надежды Романа на молниеносную победу покатались кровавым следом вместе с головой его верного соратника по полу.

Второй стражник, того что спас от верной гибели его начальник, вовремя успел опомниться и, не дожидаясь приказов, подскочил к Роману, заломил ему руки и заставил пасть на колени. Велидержавец в шоке от подобных раскладов строго уставился на парня. Он подошёл к нему ближе и угрожающе посмотрел на него:

— Если не хочешь говорить по-хорошему, — тоном мертвеца проговорил он, — будет по-плохому.

Роман же насмешливо уставился в дядины глаза, затем взглянул на окно, откуда был неплохой такой вид на город, и повернул голову снова в сторону монарха. Смотря ему прямо в глаза, он надменно расхохотался.

— Ты серьёзно думаешь, что мне нужен какой-то там Рельград? — всё ещё ухахатываясь, говорил парень. — Ты такой узколобий старикашка, что даже и не подумал, что я могу говорить правду. А правда в том, что наш тупарылый папаша в действительности отправил нас с братом на верную смерть. Правда в том, что брат серьёзно надеялся победить, наивно полагая, что ты нам поможешь, и правда в том, что его войско уже разгромлено в пух и прах.

— Хватит этой чуши!

— О, дядюшка, это не чушь. Хочешь, я поведаю тебе одну историю? — он подождал, ожидая дядинового ответа и, судя по многозначительному молчанию, тот был во все внимания слушать. — Произошло это примерно восемь лет назад, когда мы были наивными девятилетними карапузами. Как-то мы с моим братом и одной из наших сестриц забрели далеко в лес, да сестрицу как-то оба и упустили из виду. Мы долго тогда её искали, пока не поняли, что, оказывается, сами заблудились. Нам тогда пришлось несладко. Неделями мы выживали в тех местах, но всё же смогли выбраться живыми. Угадаешь, какая мораль во всей этой басне?

Велидержавец нахмурил брови и вопросительно взглянул на начальника стражи. Тот пожал плечами,

и тогда дядя устремил взор на племянника.

— Действительно, ты такой же идиот, как и все в этом государстве. Сестра наша никогда не терялась. Она вернулась в тот же день, в который мы уходили, и ничего никому не сказала. А теперь подумай, дорогой дядюшка, кто бы следующим после вас с отцом занял Рельградский и Дващовский троны, если бы мы с братом тогда погибли? — он снова выдержал театральную паузу и продолжил: — Правильно мыслишь, велидержавец, но я веду куда дальше. Как ты думаешь, кто бы надоумил нашего отца отправить нас с братом идти погибать в попытках добыть Жар-птицу?

— Ваша сестра? — догадался Владимир Рельский.

Роман снова залился хохотом:

— Нет, идиот, это был я. В тот момент я понял, в каком змеином логове живём мы с братом, и поэтому, когда пришло время, я придумал план. Я сказал нашему тупому папаше, что мы с братом хотели бы показать себя, взяв ту чёртову лощину. Я нашёл верных людей, которые могли бы помочь в осуществлении моих планов. Я бы избавился сразу от двух зайцев: от притязателя на трон Высоких Дващей в виде моего несмышлёного братца и от тебя, безмозглого старикашки.

— Но я-то тебя перехитрил! — возрадовался велидержавец. — Кроме того, — поучительно продолжил он, — как ты собрался захватить власть во всей стране? Ты разве не знаешь, что это невозможно? Есть законы, которые определяют,

что Двудержавией правят всегда два монарха. — Роман опять стал смеяться.

— Ты такой наивный глупец, дядя, — он ещё пару раз ухмыльнулся, а затем резко переменялся в лице; он страшно помрачнел и жутко посмотрел в глаза велидержавцу. — Мы были детьми, одинокими и брошенными в дремучем лесу, один на один с мерзкими тварями, норвящими нас сожрать в любой момент. Как думаешь, как бы мы смогли выжить, да ещё и выбраться из тех ужасных мест?

— Как? — растерянно поинтересовался Рельский.

— Нам помогли. Однажды, пока мой брат собирал хворост для костра, а я добывал пропитание, меня нашёл один мальчик, который и познакомил с теми, кто пообещал вернуть нас домой.

— Это чудесная история, — растрогался старик, — не хочешь ли ты мне сказать, что эти люди тебя и надоумили на подобные глупости?

Роман ещё раз взглянул в окно и удовлетворённо произнёс:

— Как странно, да, дядя? Нашу страну оберегает система башен святого очищения, одна такая как раз находится в святыне блаженного Леонида. У тебя столько вопросов, дядя. Чем же занят мой отряд? Какие люди меня чему-то надоумили? Но ни одного правильного. — Снаружи послышался грохот, и Роман наконец произнес то, чем хотел похвастаться с самого начала: — когда это я говорил, что те, кто спас нас с братом, были людьми?

Именно в эту секунду всю комнату заполнил оглушительный шум, заставший всех внезапным свирепым грохотом. Всё вокруг затряслось, мебель стала падать, штукатурка — осыпаться. Стражник, державший Романа, с испугу ослабил хват, чем и воспользовался парень. Он вырвал свою руку из захвата, вытянул из ножен своего пленителя меч и им же его заколол. Затем отбежал в сторону, что было своевременно, ведь в ту же секунду часть комнаты сорвало очередной лютой тряской, а на её место приземлилось огромное трёхглавое чудовище. Из одной из своих пастей оно выплюнуло еле живое человеческое тело, а с его спины стала спускаться какая-то фигура.

В результате всей этой ситуации монарх с начальником стражи оказались у противоположной стены. Видно было, как они пытались отойти от шока. Сам Роман, с трудом устояв на ногах, поспешил заслонить дверной проем, перекрыв тем самым путь к отступлению бедным старичкам, с ужасом вззирающим на творящееся безумие.

— Дядя, ты спрашивал, как я собираюсь править Двудержавией без брата? — холодно спросил Роман. — Никак. Вот он, — он указал на бьющегося в конвульсиях парня, которого только что выплюнуло чудовище, — знакомьтесь, мой брат Николай, сломленный и беспомощный. Мне лишь остаётся внушить ему свою волю и убить нашего глупого папашу.

— Это же, это же... — тыкал велидержавец пальцем в змея.

— Позволь познакомить тебя, мой дядюшка, ещё кое с кем. Это мои друзья, спасшие нас с братом тогда. Мой ближайший друг и советник Лёня Нокардов — тот, кто познакомил меня с тем, кого все вы так алчно хотели убить. Именно в честь него, трёхглавого монстра, извергающего пламя из пастьей своих, наши с тобой, дядюшка, недоразвитые прародители назвали ту спасительную лощину — единственный наземный путь из горной ловушки, в которой оказалась наша страна.

— Ты чёртов предатель, дьявол, антихрист, ты сговорился с этими... этими бесами! Демонами проклятыми! — только что и нашлось закричать дяде.

Тем временем фигура, спешившаяся со змея, сблизилась с ними:

— Да заткнись ты, — это был Леонид, тот самый парень, что сопровождал Николая со всей его армией к лощине. Парень воткнул меч в начальника стражи, попытавшегося напасть, и пнул орущего во всю глотку монарха. — Бесы? Демоны? О да, пожалуй, это подходящее слово для тех, кем мы для вас теперь станем, — сказал он.

— Б...брат, — слышалось со стороны Николая. Похоже, тот приходил в себя.

— Ах, ты ещё в сознании, — Роман подошёл к своему брату, говоря Леониду: — Лёня, последи, чтобы этот старикан не сбежал. — Затем обратился к

брату: — Ты как, в порядке?

— Р...Рома. Что происходит? Где мы?

— Мы в Рельграде, свергаем нашего доброго дядюшку, — улыбаясь, говорил Роман.

— Чудовище... оно... — начал было рассказывать Николай, но Роман поспешил успокоить его.

— Не переживай, братец, просто смотри, как я уничтожу этот мир, — он посмотрел на взиравшего с ужасом на них монарха и сказал тому: — только представь моё удивление, когда я узнал, что оказывается, в этой истории злодеями является весь наш вид. И я решил, что пора бы восстановить справедливость, — он приблизился к велидержавцу, схватил того за шиворот и потащил к пролому в стене, — посмотри на это, чёртов старик, посмотри, как все эти лживые жирные свиньидохнут в мучениях.

На улицах действительно была паника. Люди выбегали из своих домов, бегали по переулкам и площадям, тщетно пытаясь спастись от стай уродливых созданий.

— Страшно представить, что там внизу творится, — воодушевлённо заявил Роман, — но ты не переживай: сейчас ты всё увидишь воочию.

Осознав, к чему клонит его выживший из ума племянник, дядя начал предпринимать попытки вырваться, но было уже поздно. Роман с яростью оттолкнул от себя ненавистного родственника, и тот полетел с башни прямо в пучину творящегося внизу

безумия.

Оставим пока поедаемых монстрами жителей Рельграда наедине с их адскими муками и вернёмся за пустые бытия, за увядшие поля, за забытые горы к нашим трём героям, окружённым волками и всепоглощающим пламенем. Кеша уже во второй раз приготовился встретить свою смерть, но в этот раз не потому, что хотел этого, а потому, что заслонял собою Манютку, когда на ту намеревался прыгнуть волк. Медведь Иван в этот момент отбивал нападения серых зверюг с другой стороны, поэтому помощи ждать было неоткуда. Волк яростно разинул пасть и с невероятной быстротой бросился на мальчишку. Кеша так бы и не понял, в какой именно момент он умер, если бы не прогремел оглушительный БАМ откуда-то со стороны, и волка, находящегося уже перед самым Кешиным носом, не откинуло в противоположное от взрыва направление. В следующую секунду прозвучало ещё несколько выстрелов, и все остальные волки тоже попадали замертво. Троица стала оглядываться, пытаясь понять, кто же их спас, но их спасители сами вышли из-за деревьев, которые ещё не были охвачены пламенем. Это были, наряженные в пёструю зелёно-красную униформу, юноши, всем своим видом хотевшие казаться солдатами. Что ни говори, даже в простецком уме, не разбирающегося в военном деле, Кеши промелькнула мысль: до солдат им ещё, мягко говоря, далековато. К ним подошёл парнишка, выделяющийся своею высотой и одновременно

непропорциональной такому росту худобой, лет на год-два старше самого Кеши. Парень пристально осмотрел ребят, затем весело улыбнулся и произнёс:

— Привет, ребят, что делаете?

Манютка с Кешей переглянулись, встретив взаимное замешательство, и в недоумении уставились на парня, стоящего перед ними.

— А вы кто? — спросила девочка.

— Мы бомбардирская рота Преображенского полка, — с гордостью заявил парень, — а я капитан этой роты. Можете Петей звать, если хотите. Славный у вас медведь, кстати, — он с любопытством посмотрел на Ивана, — он дрессированный?

Манютка помотала головой, а Кеша произнёс:

— Это всё хорошо, конечно, но, может, познакомимся как-нибудь после того, как избежим участи сгореть заживо?

— А, ну да, — опомнился парень, назвавшийся Петей, — идёмте с нами, — предложил он тоном, не терпящим отказов.